

Военный дневник

ЖИЗНЬ ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА ГЛАЗАМИ ЕГО УЧАСТНИКА

ВОЛЕЙ СЛУЧАЯ В МОИХ РУКАХ ОКАЗАЛСЯ УНИКАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ. ЭТО НЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ, НЕ ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ, А ДНЕВНИК ЛЕГЕНДАРНОГО СПЕЦОТРЯДА НКВД «СЛАВНЫЙ» – ТОГО САМОГО, КОТОРЫЙ ЗАЩИЩАЛ МОСКВУ, А ПОЗЖЕ В УСЛОВИЯХ СТРОГОЙ СЕКРЕТНОСТИ В КАЧЕСТВЕ ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА ВЫПОЛНЯЛ СЛОЖНЕЙШИЕ ЗАДАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ И БЕЛОРУССИИ.

ЛИСТЫ ФОРМАТА А4 ИСПЕЩРЕНА МЕЛКИМ ПОЧЕРКОМ. ПОМЕТКИ НА ПОЛЯХ ГОВОРЯТ О ТОМ, ЧТО С ДОКУМЕНТОМ ДОЛГО И КРОПОТЛИВО РАБОТАЛИ. НА ПОЖЕЛТЕВШИХ ОТ ВРЕМЕНИ СТРАНИЦАХ ПРАКТИЧЕСКИ ВСЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА – МИХАИЛА ОБОРОТОВА.

ТЕКСТ **Ольга ЛАПКО**

ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД «СЛАВНЫЙ»

Случайная встреча

Неизвестно, где бы сейчас находился этот дневник, если бы не случайная встреча в 1970-х годах, когда простая могилевчанка, учительница математики Елена Киреева во время отдыха познакомилась с седовласым Михаилом Ивановичем. Так завязалась их многолетняя дружба. Оборотов завещал передать дневник после смерти именно Елене Васильевне.

Долгие годы оригинал находился в музее Могилевской СШ № 22, созданном этой женщиной, позже она передала его в музей КГБ Республики Беларусь, а себе оставила копию. Возможно, дневник так бы и остался просто экспонатом, но пару лет назад случай познакомил уже бывшую учительницу с ветераном белорусской контрразведки Вячеславом Барщевским, который, узнав о «Славном», стал активно исследовать эту тему.

Дневниковые записи Михаил Оборотов, начальник штаба спецотряда «Славный», вел с февраля 1942-го по август 1944 года. Каждая страница сродни целой жизни. Дневник лишен сантиментов и отражает в большинстве своем факты, за редким исключением, когда автор раскрывает характер бойцов, рассказывает об их отличительных чертах и останавливается на деталях жизни и проведенных операций.

Еще одна особенность дневника в том, что о себе Оборотов, как правило, пишет в третьем лице. Крайне редко можно прочесть: «Мною выполнено задание», чаще всего это звучит так: «Группа Оборотова...» Именно поэтому не сразу можно понять, чьей именно рукой писалась история отряда.

Другая война

Первая запись в дневнике датирована 20 февраля 1942 года.

«Отряд ст. лейтенанта Шестакова по заданию командования, перешел линию фронта в тыл немцам для выполнения спецзадания правительства в р-не г. Людиново. Отряд состоял из 50 бойцов, хорошо обученных, вынос-

ливых и преданных до конца жизни своей Родине. В отряд вошли также уже знакомые по партизанской борьбе в тылу у немцев партизаны отряда Медведева: Ерофеев Михаил, Садовников Николай, Егорычев Иван. Кроме этих товарищей отряд имел в своем составе спортсменов... По национальному составу отряд был разнороден, в одном руководила одна боевая задача – как можно больше уничтожить врага, поднять народ на партизанскую борьбу, организовать второй фронт в тылу противника», – писал Оборотов.

Первым делом шестаковцы разведали обстановку, присмотрелись к людям, обратили внимание на наличие разветвленной узкоколейки, телефонной связи, районной газеты. Но самое главное, сюда, на партизанский аэродром, прилетали советские самолеты.

Изначально отряд расположился в поселке Ивот, но 23 февраля, дождавшись темноты, староста деревни Думлово, расположенной на границе Калужской и Брянской областей, на подводах перевез отряд в более укромное место, на маленькую железнодорожную станцию Вольнь, со всех сторон окруженную лесом.

Очень скоро староста Зайцев поплатился и за этот поступок, и за то, что радушно принял шестаковцев, и за помощь в налаживании связей с командирами местных партизан. Немцы требовали, чтобы мужчина отвел их к месту дислокации отряда. Тот долго петлял по лесу, уводя за собой фашистов, делал вид, что заблудился в непролазном лесу и в итоге вывел к давно разгромленному лагерю, где раньше находился отряд Медведева. Тогда немцы вконец потеряли терпение. Они зверски пытали старосту, избивали его до полусмерти, но ответа на свои вопросы так и не получили. Зайцева спасло только чудо: его, полуживого, замерзающего на снегу при лютom морозе случайно обнаружили жители деревни.

В первой же записи Оборотов отметил: «Полиция издевалась над семьями партизан и советских людей, расстре-

ливали без суда и следствия по своему усмотрению. Много погибло от рук полиции или их указке командиров, выходящих из окружения группами или одиночками и бежавших из фашистского плена».

Первые жертвы

28 февраля стало скорбной датой в жизни отряда, хотя в этот день была запланирована рядовая хозяйственная операция в Рогнедском районе. На задание отправились трое бойцов. Поначалу все шло, как и планировалось. В деревне Гатьково бойцы первым делом наведались к немецкому ставленнику – помощнику старосты, который не щадил людей. Шестаковцы конфисковали у него награбленное имущество и по просьбе населения, которое немало пострадало от этого человека, расстреляли изменника.

В это время в соседнюю деревню успел добраться доносчик, который сообщил полицаям о действиях партизан.

Из дневника Славного: «Боясь вступить в открытый бой с партизанами они решили сделать засаду на троих партизан. Наши бойцы, ничего не подозревая, стали выезжать в лес откуда полиция и немцы в кол. 30–40 человек, подпустив на близкое расстояние, открыли огонь».

Невредимым остался только Николай Садовников, который стал забрасывать неприятеля гранатами. Федор Бухман получил ранение в руку, но остался жив. Он активно отстреливался из пистолета. Николая Соколова вражеская пуля не пощадила. Он погиб после первых выстрелов. Весь личный состав тяжело переживал эту утрату. На митинге каждый поклялся отомстить фашистам, в том числе партизаны Фролов и Газаев, которым оставалось жить всего несколько дней. 5 марта они, разыскивая отряд Чупеева, погибли возле деревни Журиничи Брянского района.

Желание шестаковцев отомстить немцам за убитых и раненых товарищей становилось сильнее день ото дня.

Практически ежедневно они совершали операции, направленные на уничтожение врага. Им удавались самые дерзкие диверсии, после которых об отряде Шестакова стали слагать легенды. Уже с первого месяца действий «Славного» немцы и полиция не на шутку стали бояться партизан.

Командир Шестаков

22 марта 1942 года Анатолий Шестаков с группой из 18 человек вышел на рискованную операцию в поселок Сукремль, расположенный в трех километрах от города Людиново. Разведка доложила о группе СС численностью более 60 человек, которая двигалась в сторону города. Шестаков решил уничтожить неприятеля. Командование операцией взял

на себя, поскольку понимал, что это огромный риск, которому он не мог подвергнуть своих «сокольников». Мастерски организовав засаду, чекисты впустили эсэсовцев в ее расположение и атаковали.

Оборотов отметил в записях: «В короткой схватке враг был разгромлен, понеся убитыми 50 солдат и 4 офицера. При этом захвачены трофеи: 4 пулемета, 12 пистолет. Убито 9 лошадей и захвачено продовольствие. наших жертв не было... Вскоре после этого Шестакову было присвоено звание капитана».

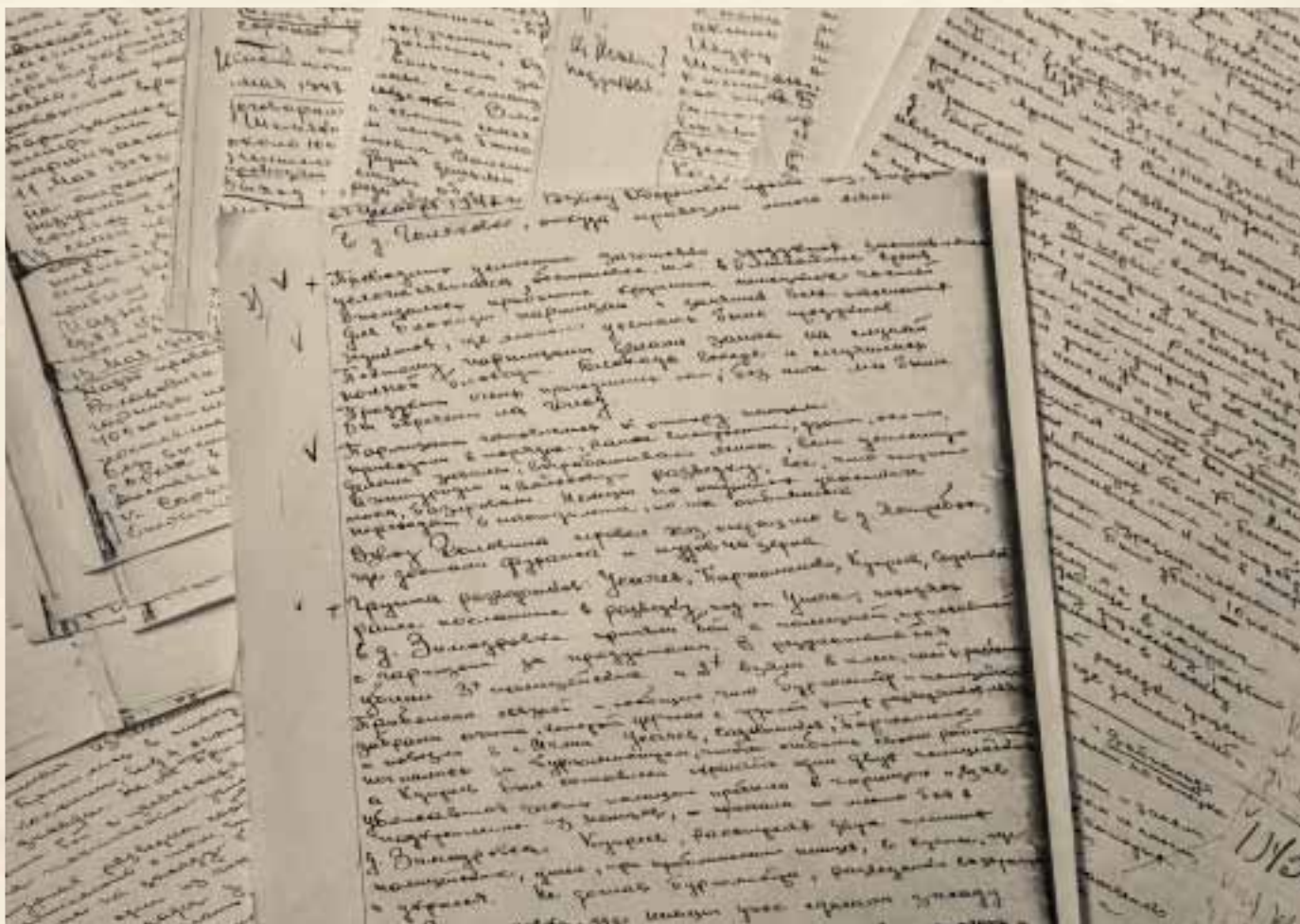
Прошло немного времени, и командир получил звание майора. Этого человека уважали в отряде и ценили в Москве. К нему шли за советом и обращались за помощью.

Изредка Михаил Оборотов в дневнике дает краткую характеристику командира. Но и этих лаконичных записей достаточно для того, чтобы понять, что Шестаков – человек с большой буквы. Он неоднократно спасал отряд от гибели и провала операции, смело шел в атаку в самых рискованных заданиях и берег каждого человека из отряда, потому что это была его семья.

«Шестаков беспредельно смелый человек... его любят не только наши бойцы но и партизаны других отрядов и местное население», – писал Оборотов.

Командир был не только координатором жизни «Славного», он без преувеличения являлся его сердцем.

Из дневника отряда: «Народ (в отряде. – Прим. авт.) весь хороший, боль-

В ДНЕВНИКЕ МИХАИЛА ОБОРОВОТА ПЛАНОМЕРНО ОТОБРАЖЕНА ЖИЗНЬ ОТРЯДА ЗА 2,5 ГОДА ВОЙНЫ

шинство военнослужащих. Отряд служил примером среди партизанских отрядов. Бойцы наши дисциплинированы, смелы, находчивы. Если в операции с другими отрядами участвует какая-нибудь группа, то партизаны чувствуют себя смелее, т.к. знают что с шестаковцами нигде не пропадешь. Особенно уверенно идут на операцию если идет майор Шестаков, которого все ценят и уважают, любят как старшего товарища, отца».

К Шестакову хотели попасть многие, но он, придиричивый и разборчивый в людях, принимал в отряд лишь некоторых. В новоиспеченных боях сомневался и потом еще долго присматривался к ним. Так было с начальником разведки Василием Рыкиным, так было с самоотверженным старостой Зайцевым. На капитана не обижались, понимая, что дополнительные меры предосторожности не помешают, особенно когда не знаешь, где свой, где чужой.

Шестаков прослыл среди партизан не только придиричивым, но и безгранично самоотверженным командиром. Если чей-то отряд попадал в беду, он первым шел на выручку, а к нему шли за помощью.

К примеру, когда отряд Чупеева, состоявший из неопытных бойцов, потерпел бедствие, первым, кто бросился на помощь, был Шестаков. А в начале мая этот разгромленный отряд перешел в подчинение Шестакова. Тот решил не разделять ребят и из остатков отряда сформировал взвод, дополнив его несколькими бойцами. «Командиром этого взвода стал л-т Оборотов», – закончил запись Михаил Иванович, впервые упомянув себя в дневнике.

Свой – чужой

Где бы ни были шестаковцы, местное население им в основном стремилось помочь. Но случалось и так, что предателями оказывались те, на кого никогда бы и не подумали. 4 мая 1942 года из-за предательства местной жительницы отряды Мальцева, Зибницкого, Шестакова

АНАТОЛИЙ ШЕСТАКОВ СОЗДАЛ ТАКОЙ ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД, О КОТОРОМ СЛАГАЛИ ЛЕГЕНДЫ

не смогли реализовать план по уничтожению карательного немецкого отряда численностью до 700 человек. Женщина предупредила карателей о засаде, и те оставили уже занятые деревни и покинули партизанские леса.

В дневнике изредка встречаются нелицеприятные записи о мародерстве партизан. Шестаков обычно разбирался в ситуации, возвращал награбленное крестьянам, а мародеров отдавал на суд их командиров. Те, как правило, расстреливали любителей легкой добычи.

Но и полицаи нередко ошибались в людях. Агентура «Славного» действовала практически везде: не только в деревнях среди местного населения, но и среди власовцев, полицаев. Когда Шестаков понимал, что связным грозит опасность, всеми правдами и неправдами вытаскивал их вместе с семьями из «осинового гнезда».

Случалось, что и пленные немцы становились преданными Анатолию Шестакову и его бойцам. Так было с Паулем Минкелем, попавшим в плен в начале июня 1943-го. Он решил воювать против фашистов вместе с шестаковцами. У немца была возможность

уйти, и не раз, но этого он не сделал. Более того, 5 июня 1943 года во время длительного боя с фашистами и власовцами, он проявил настоящий героизм и ценой собственной жизни уничтожил немецкую автомашину со снарядами. Результатами того боя стали уничтожение командующего карательной экспедицией майора Аммона, более 200 немецких солдат и офицеров, разбитая техника и захваченные секретные документы противника.

«В тылу врага, где нет своего тыла»

Продвигаясь вглубь фашистского тыла, отряд Шестакова постепенно разрастался. К концу мая 1942 года в нем насчитывалось уже порядка 100 человек, в начале сентября того же года – более сотни, а спустя несколько месяцев численность отряда увеличилась до 150 бойцов. На своем пути шестаковцы оставляли заметный диверсионный след. Они уничтожали полицаев, беспощадно громили фашистов, устраивали засады на автоколонны и разбивали вражеские гарнизоны, приводили в негодность линии вражеской телефонной связи и едва ли не каждый день взрывали километры железнодорожного полотна, по которому шли составы с немецкой живой силой, техникой и продовольствием. Все это приводило фашистов в бешенство, а отряд продолжал свое славное шествие, освобождая советскую землю от оккупантов.

Дневник позволяет в деталях восстановить путь продвижения отряда. Оборотов скрупулезно записывал названия всех населенных пунктов, в которых им довелось побывать, все места, где бойцы «Славного» проводили диверсии, будь то большой город или обычный хутор, которого в наше время уже и не существует.

Из Дятьковского района отряд в начале июня 1942 года перебазировался в Жирятинский, где была очень напряженная обстановка. Здесь «Славный» стал активно работать с местным партизанским отрядом Панасенкова.

Вместе они провели множество операций, а спустя месяц приняли решение перебазируться в клетнянские леса.

Из дневника Оборотова: «В этом районе не было возможности дальше оставаться... Вместе с отрядом Панасенкова двое суток двигались ночью в клетнянские леса по глухому лесу, по тропинкам. Часто застревали повозки в болоте, ломались дуги, оглобли, вытягивали все на себе».

Партизаны практически не оставляли времени на раскачку, едва ли не с первого дня приступая к диверсионной работе и уничтожению немцев и их прихвостней. Прошло меньше двух недель, как шестаковцы перебрались в клетнянские леса, а уже успели основательно насолить врагу, уничтожив несколько гарнизонов, маслозавод, склады продовольствия и боеприпасов. Умудрились даже увести под носом у фрицев из немецкой скотоводческой фермы 80 коров.

Враги усиливали посты, активно разыскивали шестаковцев, особенно их командира, объявив за его голову немалую награду, и мобилизовали все силы, чтобы предотвратить действия советских диверсантов.

Из дневника «Славного»: «С каждым днем все труднее и труднее становится подход к ж.д. дорогам, т.к. немцы прочесывают местность, прилегающую к ж.д., сильно охраняют собаками и иногда находят уже поставленные мины, которые разминируют удачно и неудачно. Кроме того заставляют охранять ж.д. подходы к ней местных жителей, которым дается определенный участок, за который он отвечает и если произойдет на их участке взрыв то немцы расстреливали их и поэтому они боялись и находились такие люди, которые сообщали немцам появление диверсионных партизанских групп, против которых немцы применяли облаву».

Невзирая на все сложности, шестаковцы доблестно выполняли поставленные задачи. И надеялись на то, что их отзовут на фронт. Подобную запись Михаил Иванович сделал лишь единожды, 1 октября 1942 года: «Мы с нетерпением ждали приказа о выходе из тыла врага, т.к. когда мы уходили, то нам говорили, что через три месяца мы вас отзовем из тыла, но теперь нет никаких надежд на выход».

Очень скоро настроение в отряде изменилось. Спустя несколько дней

Оборотов запишет: «Из Украины в клетнянские леса прибыл крупный, хорошо вооруженный отряд Героя Советского Союза генерал-майора Федорова, который остановился в 5 км от нас».

Все отряды постоянно взаимодействовали, сообща проводили операции, вместе хоронили погибших и отмечали праздники. 7 ноября 1942 года, в годовщину Великого Октября, на праздник к шестаковцам пришел генерал-майор Федоров. Это событие Оборотов опишет крайне лаконично: «Праздник провели хорошо, весело».

Но расслабляться было некогда. Партизанские отряды распределили между собой участки обороны и сферы влияния, расположившись очень близко друг к другу. Они защищали от немцев деревни и местных жителей, организовали разветвленную агентурную сеть, разведка работала на опережение...

«Мы чувствовали, что предстояли жестокие бои, ибо немцы не оставят без внимания такое скопление партизан и должны предпринять против нас крупные операции, т.к. мы контролировали вокруг своего места стоянки на 50 – 60 70 и 80 км все деревни и дороги», – написал в дневнике Михаил Иванович. И его предположения вскоре оправдались. На блокаду клетнянских лесов немцы бросили около 40 тысяч солдат. Но шестаковцы не унывали, для скрытой борьбы с фашистами они придумали хитроумный план.

Из дневника Оборотова: «В расположение немецких частей посылаем ставки и сводки Совинформбюро, которые переправляем на лошадях. В повозку садим 2–3 чучела, снаряжаем их листовками и направляем лошадь в гарнизон. Впоследствии таким же образом стали посылать чучела заминированными, на которых взрывались немцы и власовцы».

Сообща партизанам все-таки удалось прорвать кольцо окружения. Вместе с ними ушли и местные жители. «Колонна выстроилась до десяти километров... С первых же минут движения стали освобождаться от груза: сбрасы-

ВСТРЕЧА ШЕСТАКОВЦЕВ В МОСКВЕ, 1975 ГОД

вали мясо, соль, муку, сало и прочее. У нас в отряде не чего было бросать, весь запас был в вещмешках. Весь путь отрядов был услан брошенными вещами», – писал Михаил Оборотов. Выход из окружения получился нелегким и растянулся на несколько дней. Отсутствие единого командования привело к несогласованности действий партизанских командиров и, следовательно, отрядов.

Оборотов с группой выполнял порученное задание и смог соединиться с отрядом только 5 февраля 1943 года. К тому времени их считали погибшими, на восемь человек уже дали в Москву соответствующую радиограмму. Но в день возвращения группы исправили ошибку, сообщив командованию о том, что ребятам удалось выжить.

Вскоре шестаковцы ушли на запад, в белорусские леса. Но четко разделить их деятельность на территории России и Белоруссии невозможно – настолько тесно все переплетено. Из клетнянских лесов они выходили на диверсии в Гомельскую область, с Гомельщины шли взрывать эшелоны на российскую территорию. Да и не было тогда нужды делить государства между собой. Была одна огромная страна под названием Родина.

Жизнь в отряде

Продовольственные запасы «Славный» пополнял во время хозяйственно-боевых операций, конфискуя у полицаев и немцев продукты питания, скот и бытовой инвентарь. Читая дневник, видишь, что, где бы ни базировался отряд, бойцы старались приблизить свой быт к нормальным условиям. В лесу они строили баню и создавали импровизированную хлебопекарню, делали столовую и госпиталь, мастерили для лошадей конюшни, самостоятельно шили недостающее обмундирование и изготавливали лыжи.

Из дневника: «Создана бригада плотников для изготовления лыж для отряда. В бригаду вошли дядя Паша Кудряшов, Дормидонтов, Соболев и ряд

МИХАИЛ ОБОРОВОТОВ, НАЧАЛЬНИК ШТАБА СПЕЦОТРЯДА «СЛАВНЫЙ», ВЕЛ ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ С ФЕВРАЛЯ 1942-го ПО АВГУСТ 1944 ГОДА

других. Нужно сказать, что лыжи получились замечательные, делались по всем правилам. Делали лыжи из березы и клена. Готовые лыжи сушили, а затем варили в дегте, лыжи получались удачные и были сделаны для каждого бойца».

При необходимости в отряде организовывали работу кузницы, где в роли кузнецов выступали сами бойцы, у которых когда-то был подобный опыт.

Периодически отряд Шестакова встречал советские самолеты, которые снабжали чекистов продовольствием, одеждой, медикаментами и боеприпасами, а также забирали «тяжелых», которых было сложно вылечить в походных условиях.

«За ранеными был особый тщательный уход. Особенно искреннюю отцовскую заботу проявлял майор Шестаков и благодаря умению и заботливому отношению врача Давыдова, большинство раненых быстро поправлялось и вставало в строй. Все, что можно было достать, все было для раненых», – писал Оборотов.

Стоит сказать, что шестаковцы нередко приводили в недоумение не только врагов, но и друзей. Выправка, сноровка, скорость, острота мысли и отличная физподготовка в совокупности не раз ставила людей в тупик. «Какие-то вы неправильные партизаны, – доводилось им слышать и от партизан, и от гражданских. – Первый раз таких видим».

«Русь, партизан, нам холодно жить в лесу...»

В дневнике, хотя и нечасто, встречаются записи, которые читать без улыбки невозможно. 28 марта 1942 года Михаил Иванович сделал первую подобную запись, в которой охарактеризовал разведчиков Ерофеева и Садовникова как смелых, решительных и дерзких ребят. «Еще будучи в отряде Медведева эти партизаны выполняли много сложных ответственных заданий. За отряд Медведева оба были награждены правительственными наградами... Они любили дерзость над немцами».

Далее Оборотов приводит лишь один случай из жизни бойцов, который красноречивее любых слов говорит об этих людях: «Возвращаясь вдвоем с задания, после взрыва моста, при подходе к одной деревне занятой немцами обнаружили в лесу 82 мм миномет с минами. Установив миномет открыли огонь по немцам. Немцы заняли оборону и открыли ответный огонь. Они перешли в другое место и написали немцам записку такого содержания: «Фрицы уходите с нашей деревни иначе будете уничтожены». Привязав записку к хвосту старой клячи, направили лошадь в деревню. Немцы встретили лошадь и обнаружили записку, прочитав ее, дали ответ, переправив таким же путем записку к Ерофееву и Садовникову. Немцами было написано: «Русь, партизан, нам холодно жить в лесу и из деревни не пойдем. Приглашаем вас на свадьбу». Каждый раз, проходя мимо этого гарнизона, они обстреливали его, приводя в панику немцев».

О погибших помните!

Дневник Оборотова особо ценен не только тем, что позволяет в деталях восстановить жизнь и деятельность отряда, но и тем, что, прочитав эти страницы, можно узнать, при каких обстоятельствах были ранены или убиты его сослуживцы, где захоронены. Порой Михаил Иванович лаконично называет имена и фамилии погибших, изредка детально описывает гибель товарищей.

За месяц, который отряд провел в жирятинских лесах, Михаил Оборотов

потерял друга, с которым познакомился еще в пехотном училище. Максим Клименко не вернулся с хутора Козелкин, где бой с карательным отрядом длился более 12 часов.

18 ноября 1942 года возле того же хутора был тяжело ранен Михаил Ерофеев, который прожил потом всего два дня.

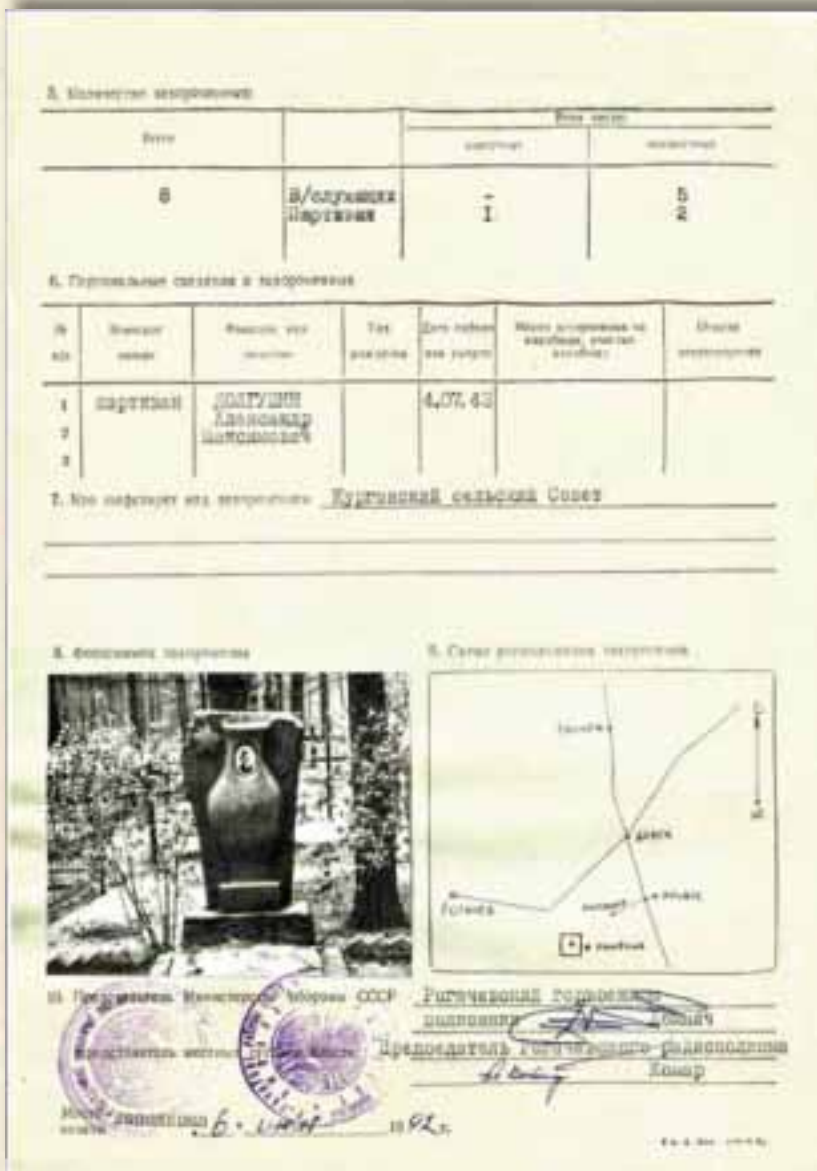
29 ноября по трагическому стечению обстоятельств на шоссе Хотимск – Бельковичи у деревни Советская Беларусь погиб заместитель Шестакова

Андрей Ефимович Чупеев. Оборотов записал в дневнике: «Минеры заминировали шоссе и ушли с того поста. Чупеев с минерами поехал выставлять к тому месту засаду. По ошибке минера Семенова они въехали на минное поле и лошадь наступила передней левой ногой на мину. От ноги лошади от взрыва оторвалась половина подковы и ударила Чупеева в голову. Спустя 5–10 мин. Чупеев в беспамятстве скончался. Ехавшие за ним на повозке люди (Давыдов, Дианов, Семенов) не получили даже и царапины». Похоронили Чупеева в лагере № 2 клетнянского леса.

Как будто вскользь, Михаил Оборотов записал в тот день: «Скажу о похоронах. Всегда, за редким исключением, когда не было возможности, хоронили партизан в хорошем гробу в присутствии всего отряда, на могиле произносили прощальные речи и всегда партизаны клялись отомстить немцам за погибших товарищей. Могилка отделялась хорошо. В изголовье ставили обелиск, на котором выжигали фамилию, имя, отчество и год рождения погибшего и когда погиб. Могилки огораживали заборчиком».

Дату 14 апреля 1943 года Оборотов обвел черной рамкой. В тот день при разминировании возле клетнянских лесов погиб начальник штаба старший лейтенант Иван Федорович Медведченко. Его также похоронили в лагере № 2.

Но настоящей трагедией для отряда стала смерть Александра Долгушина 4 июня 1943 года у деревни Белое Болото Рогачевского района. Семикратный чемпион СССР по гребле всем казался незыблемой глыбой с детской душой. Сколько раз этому человеку приходилось слышать от бойцов, уходивших на задание: «Если что случится, сообщи моим». И он тоже держал в памяти сотни адресов с именами. Долгушина за короткое время успели полюбить и жители окрестных деревень белорусской глубинки. Гибель этого спортсмена они восприняли как собственную боль и пришли на похороны всей деревней.

ДОКУМЕНТ О ЗАХОРОНЕНИИ АЛЕКСАНДРА ДОЛГУШИНА, СНАЙПЕРА ОТРЯДА, В БРАТСКОЙ МОГИЛЕ

Еще шестеро бойцов отряда, погибших в тот день, были захоронены неподалеку – в деревне Перекоп. А на следующий день приехали каратели и превратили в пепелище деревни Каменка, Рысков и Перекоп. Но главное – в местной школе заперли и сожгли 112 душ от мала до велика.

Александр Долгушин, который во время войны стал лучшим снайпером отряда, был настолько значимой фигурой среди сослуживцев и местных жителей, что и поныне единственная улица деревни Каменки носит его имя, а могила из красного гранита находится под опекой гомельских чекистов. Сюда идут школьники и едут военные. Сюда минувшим летом приехали Вячеслав Антонович и мы с коллегами, чтобы отдать дань памяти великому герою.

Счастливым случаем

Пусть и нечасто, но он происходит. Декабрь 1942 года подходил к концу. Разведчики Усачев, Садовников и Пархоменко гнались за бургомистром, который схватил их связного, когда нарвались на вражескую засаду. Пархоменко убили практически сразу. Усачеву и Садовникову несказанно повезло... После того как парни вернулись в лагерь, в одежде каждого насчитали порядка десяти пулевых и осколочных пробоин. Оборотов отметил: «Усачев спасся от смерти тем, что под одеждой, на груди и животе, у него было много газет, журналов и другой литературы, которую должен был доставить в отряд, и в газетах нашли застрявшие 4 автоматных пули».

Не так сильно повезло разведчику Ермолаеву, который вместе с Каржувым, Лютовым и Копыловым возвращался с задания и попал в окружение карательного отряда. Первые пули попали Ермолаеву в ноги, но он остался жив. Каржув, жертвуя собой, приказал товарищам отходить в сторону леса и прикрывал их отход, но спастись удалось лишь Ермолаеву. Из дневника «Славного»: «Ермолаев бежал, шел, полз свыше пяти километров, пока не

ПОТОМКИ ПАРТИЗАН ИЗ ОТРЯДА «СЛАВНЫЙ»

подобрали его местные партизаны, доставившие к нам в лагерь. Трупы убитых товарищей немцы изрезали, искололи и бросили». Вскоре Ермолаева самолетом отправили в Москву.

Послесловие

Даже беглый обзор этого небольшого фрагмента дневника открывает множество новых фактов военной жизни шестаковцев. Прочтя дневник «Славного» полностью, можно узнать обстоятельства гибели Анатолия Шестакова, понять, почему именно Конрада Мадэя, потомка французских революционеров, семикратно представленного к званию Героя Советского Союза, но так и не

ставшего им, назначили после смерти Шестакова командиром отряда. Дневник скрывает в себе интересные подробности, приоткрывающие завесу жизни секретного отряда.

Полную версию этого документа планируется издать в большом сборнике материалов, состоящем из дневников многочисленных спецотрядов НКВД, действовавших на территории Белоруссии. Возможно, туда же войдут воспоминания бойцов отрядов. А пока для реализации масштабных планов ведется кропотливая работа историков, журналистов, ветеранов контрразведки.

Стиль, орфография и пунктуация дневника сохранены полностью.